

М.С. Турченко*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию причин трансформаций избирательных систем в сравнительной перспективе. С опорой на современную научную литературу обозначаются перспективные векторы в исследовательском направлении, связанном с изучением электоральных реформ, в частности подчеркивается важность изучения электоральной инженерии в недемократических политических режимах.

Ключевые слова: избирательные системы; электоральные реформы; электоральная инженерия; институциональные изменения.

M.S. Turchenko

Electoral reforms in comparative perspective

Abstract. This article surveys the main approaches to the causes of electoral reforms in comparative perspective. Based on the recent literature, perspective research paths to the analysis of electoral system reforms are highlighted. In particular, the attention is put on the importance of studying the phenomenon of electoral engineering in electoral authoritarian regimes.

Keywords: electoral systems; electoral reforms; electoral engineering; institutional changes.

* **Турченко Михаил Сергеевич**, преподаватель департамента прикладной политологии, аспирант НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, e-mail: mturchenko@hse.ru

Turchenko Mikhail, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: mturchenko@hse.ru

Введение

Больше трех десятилетий назад Аренд Лейпхарт заявил, что электоральные исследования – «наименее развитая дисциплина политической науки»¹ [Lijphart, 1985, p. 3]. Что произошло за это время? Конечно, три десятилетия не составляют эпохи, но определенные тенденции в развитии науки в подобном масштабе вполне различимы.

Обращает на себя внимание, во-первых, то, что с развитием компьютерных технологий увеличился объем электоральных данных и одновременно упростился доступ исследовательского сообщества к их обработке – это привело к увеличению количества работ, посвященных анализу различных аспектов избирательных систем. Во-вторых, одновременно с ростом числа исследований повысилось качество научной продукции: помимо дескриптивных работ появились и аналитические, построенные на формальном моделировании в рамках теории игр, а также статистическом анализе большого количества эмпирических данных [Grofman, 2016, p. 524].

Сегодня в научной литературе существует большой корпус исследований, посвященных изучению влияния избирательных систем на пропорциональность электоральных исходов и различные аспекты внутривыборной жизни, а именно: развитие партийных систем, внутреннюю структуру партий, поведение избирателей, коалиционные стратегии элит, стабильность и эффективность правительств, представительство меньшинств и т.д.²

В середине 2000-х годов Мэтью Шугарт констатировал, что сравнительное изучение избирательных систем – «разработанное исследовательское поле» [Shugart, 2005, p. 25]. Еще десятилетие спустя Бернард Грофман отметил, что «изучение избирательных

¹ Ту же мысль А. Лейпхарт высказывал и годом ранее [Lijphart, 1984, p. 435–436], но ее обоснованию он уделил тогда меньше внимания.

² Обзор литературы, посвященной изучению избирательных систем, со второй половины XIX в. до начала 1980-х годов можно найти у У. Райкера [Riker, 1982], а с начала 1990-х по 2000-е – у М.С. Шугарта [Shugart, 2005]. Об изучении избирательных систем в 1980-е (равно как и в более раннее время) писали Р. Таагерера и М.С. Шугарт [Taagerera, Shugart, 1989, p. 47–57]. Ключевые вопросы электоральных исследований, поднятые в 2000-х и начале 2010-х годов, освещены Б. Грофманом [Grofman, 2016].

систем стало центральным исследовательским направлением внутри сравнительной политологии» [Grofman, 2016, p. 524].

Важнейшей составляющей подобной динамики стало появление новых направлений в электоральных исследованиях. К одному из таких направлений относится изучение причин избирательных реформ. Если изменение отдельных параметров избирательных систем, как убедительно показано в научной литературе [Carey, 2017], может вести к принципиально иным политическим исходам, то выяснение обстоятельств электоральной инженерии крайне важно для понимания источников стабильности политических систем. По мнению М.С. Шугарта, изучение причин трансформации избирательных систем – новый ориентир для электоральных исследований XXI века [Shugart, 2005, p. 51].

На данный момент опубликовано несколько обзорных работ, подробно отражающих состояние дел в этом направлении [Benoit, 2007; Leyenaar, Hazan, 2011; Rahat, 2011; Colomer, 2017]. Ведется работа по уточнению фокуса и концептуального аппарата исследований. Вместе с тем, как отмечают М. Лиенар и Р. Хазан, электоральные реформы – всё еще во многом «неизведанная территория в политической науке» [Leyenaar, Hazan, 2011, p. 450]. Этому есть несколько объяснений [Shugart, 2005, p. 51]. Во-первых, анализ избирательных реформ в кросснациональном контексте требует более сложного теоретического основания и более изощренной квантификации, чем изучение эффектов избирательных институтов. Во-вторых, случаев избирательных реформ относительно немного, особенно если сравнивать с постоянно увеличивающимся объемом электоральной статистики в результате проведения различного рода выборов.

В настоящей статье разбираются теоретические подходы к пониманию причин электоральных реформ и обозначаются перспективные векторы научного поиска в области изучения избирательных систем как «зависимых переменных». Данное направление постепенно привлекает все большее внимание со стороны политологов и в ближайшее время может стать мейнстримом электоральных исследований.

Избирательные системы как «зависимые переменные»

С середины XX в., когда была опубликована работа М. Дюверже «Политические партии» [Duverger, 1959], избирательные системы привлекли к себе исследовательское внимание прежде всего как «независимые переменные» [Quintal, 1970, p. 752; Lijphart, 1985, p. 7–9; Leyenaar, Hazan, 2011, p. 437]. Вопросы влияния различных параметров избирательных систем на уровень партийной фрагментации, степень соревновательности и открытости выборов, стратегии политических элит и рядовых избирателей постепенно заняли одно из центральных мест политической науки. Вместе с тем, как отмечал М. Дюверже, «каждая политическая партия, очевидно, предпочитает избирательную систему, которая благоприятствует ей» [Duverger, 1984, p. 31]. Другими словами, избирательные системы могут рассматриваться и как «зависимые переменные» [Quintal, 1970, p. 752; Lijphart, 1985, p. 5–7; Leyenaar, Hazan, 2011, p. 437–438], изменяющиеся под влиянием различного рода факторов, не последними из которых являются рациональные вычисления политических акторов.

Одним из первых эту точку зрения выразил в 1968 г. Дж. Сартори, отметив, что избирательная система – «самый манипулируемый инструмент политики» [Sartori, 1968, p. 273]. Эта мысль разделялась Р. Таагеперой и М.С. Шугартом, подчеркивавшими, что «избирательные системы не возникают из вакуума, а формируются в ходе политических дебатов и борьбы» [Taagepera, Shugart, 1989, p. 234]. В том же ключе высказывался и А. Лейпхарт, считая, вслед за Дж. Сартори, что «электоральные правила, без сомнения, более манипулируемые, чем другие компоненты политической системы» [Lijphart, 1994, p. 139]. Здесь важно оговориться, что подход, в рамках которого избирательные системы рассматриваются как «зависимые переменные», не отрицает того, что они сами влияют на политический процесс. Как отметили Р. Таагепера и М.С. Шугарт, политическая реальность и избирательные системы находятся друг с другом в сложном двунаправленном взаимодействии [Taagepera, Shugart, 1989, p. 53]. Схожая позиция была представлена в книге Г. Кокса [Cox, 1998, p. 17], а также в более современных работах, например, статьях К. Бенуа [Benoit, 2007] и Ж. Коломера [Colomer, 2017]. К. Бенуа, в частности, писал: «Связь между избирательной и партийной системами обоюдная: электоральные институты фор-

мируют партийные системы, но при этом сами эти институты формируются в ситуации партийного соперничества» [Benoit, 2007, p. 364].

Несмотря на то что избирательные системы принимаются политиками для решения определенных институциональных задач и, следовательно, не являются исключительно экзогенными образованиями для той или иной политической системы, исследования, касавшиеся причин электоральных реформ, долгое время оставались немногочисленными. Лишь с середины 1990-х годов положение дел стало меняться [Leuenaar, Hazan, 2011, p. 438].

В частности, увеличилось число работ, авторы которых задавались вопросом о факторах трансформаций избирательных систем в различных страновых контекстах. Как отметила П. Норрис [Norris, 1995], причиной роста исследовательского интереса к избирательным системам как «зависимым переменным» стало то, что в 1990-е годы вопрос электоральных реформ вышел в центр повестки дня для Италии, Новой Зеландии, Японии, Великобритании и Израиля. Рефлексии на это был посвящен специальный выпуск журнала «International Political Science Review», вышедший в 1995 г. Кроме того, вопрос выбора избирательных систем встал в новых демократиях Центральной и Восточной Европы. Как результат – в феврале 2005 г. Международный институт за демократию и электоральное содействие (International Institute for Democracy and Electoral Assistance) выпустил пособие по электоральному дизайну [Reynolds, Reilly, Ellis, 2005], нацеленное на политиков и экспертное сообщество новых демократий. В 2011 г. был опубликован специальный выпуск журнала «West European Politics», посвященный осмыслению причин успехов и неудач избирательных реформ в устоявшихся и новых демократиях.

Основные подходы к изменению избирательных систем

По мнению К. Бенуа [Benoit, 2004; 2007], различные варианты объяснений процессов возникновения или изменения избирательных систем можно отнести к трем категориям в зависимости от того, какого рода агенты были у истоков электоральных преобразований: политические акторы (мотивы которых могли заключаться в преследовании частных либо общих интересов) или неперсонализиро-

ванные социальные, экономические или исторические обстоятельства, т.е. макроуровневые силы.

Отталкиваясь от последней категории, возникновение или изменение избирательных систем может быть объяснено историческим прецедентом – как в Пятой республике (Франция) [Elgie, 2005, p. 119]; или в послевоенных Италии и Австрии [Nohlen, 1984, p. 217]; структурой общества [Taagepera, Shugart, 1989, p. 97]; экономикой [Rogowski, 1987, p. 206]; решением нейтральной экспертной группы [Benoit, Schiemann, 2001]; волеизъявлением граждан в ходе референдума [Reynolds, Reilly, Ellis, 2005]; внешним влиянием [Benoit, 2004, p. 372] или случайностью. Случай, например, сыграл роль в установлении избирательной системы единого переходящего голоса в Ирландии, которая была принята после визита в 1911 г. в Дублин лорда Кортни – президента Британского общества пропорционального представительства (British Proportional Representation Society) [Benoit, 2007, p. 374]. Связь между принятием в тех или иных государствах определенных электоральных формул и географическими, историческими и политическими факторами проследили А. Блэ и Л. Массикотт [Blais, Massicotte, 1997].

В основе изменений избирательных систем могут лежать также мотивы политических акторов. Как писал Дж. Сартори, «то, что избирательные системы производят различные исходы... а также что электоральная инженерия может влиять на избирателя и изменять его поведение, всегда осознавалось политиками» [Sartori, 1968, p. 273]. По мнению Д. Куинтела, поскольку избирательные системы оказывают прямое влияние на распределение власти, а политики, в свою очередь, имеют непосредственное отношение к этому процессу, то «выбор определенного избирательного законодательства обязательно будет осуществлен в ходе переговорного процесса, а не отдан на откуп судьбы» [Quintal, 1970, p. 752]. Эту же позицию разделял Д. Нолен, отмечавший, что избирательные системы учреждаются в результате переговоров между противостоящими политическими силами в определенный период времени [Nohlen, 1984, p. 222].

Среди мотивов, которыми политики могли бы руководствоваться относительно правил электоральной конкуренции, может быть стремление к реализации общих интересов. В подобных ситуациях агенты принятия решений преследуют такие цели, как обеспечение справедливого представительства социальных групп,

создание условий для формирования по итогам выборов ответственного и эффективного правительства, конструирование системы сдержек и противовесов, например, против чрезмерной концентрации власти в руках одной политической силы и т.д. Принципу справедливого представительства социальных групп соответствует скорее пропорциональная избирательная система, а принципам эффективности и ответственности правительства и, следовательно, большей управляемости – плюральная и т.д. [Blais, 1991; Norris, 1997; Horowitz, 2003].

Другой фокус к пониманию электоральных реформ дает подход, основывающийся на том, что политические акторы¹ предпочитают такие избирательные системы, которые тесным образом соответствуют их частным интересам. Последние могут заключаться либо в стремлении к реализации определенной политики (*policy-seeking*), либо в желании получить (сохранить) выборные должности (*office-seeking*). Суть различий между этими перспективами в следующем. Руководствуясь стремлением к достижению власти (*office-seeking*), политические акторы не принимают в расчет соображения, связанные с созданием условий для формирования прочных поствыборных коалиций, что было бы основой для реализации отстаиваемых ими политик (*policy-seeking*) [Benoit, 2004, p. 368].

Причины изменений избирательных систем: Подход рационального выбора

Именно в рамках теории, утверждающей, что политические партии меняют параметры избирательных систем в целях максимизации своего представительства в legislatures или минимизации издержек, связанных с электоральными вызовами (*office-seeking model*), было выполнено большинство работ, рассматривавших электоральные реформы в сравнительной перспективе.

Одним из первых, кто обратил внимание на то, что избирательные системы могут формироваться под влиянием рациональ-

¹ В работах западных исследователей, изучавших, как правило, случаи стабильных демократий с парламентской формой правления, основными акторами выступают политические партии.

ных соображений политических акторов, был Дж. Грамм [Grumm, 1958]. В статье 1958 г. он, анализируя на примерах Бельгии, Дании, Норвегии, Швейцарии и Германии основные положения работы М. Дюверже «Политические партии» [Duverger, 1959], сформулировал предположение, что утверждение в той или иной стране определенной избирательной системы зависело от констелляции, сложившихся в ней партий. Гипотеза Дж. Грамма была следующей: пропорциональная избирательная система утверждается там, где уже существует большое число партий, тогда как плюральная или мажоритарная формулы, сопряженные с высокой неопределенностью относительно победителей, будут менее привлекательны партиям в высококонкурентной среде [Grumm, 1958, p. 375].

Если Дж. Грамм только выдвинул гипотезу, что избирательные системы могут быть производными от систем партийных, то Д. Куинтал в своей статье 1970 г. целенаправленно рассматривал избирательные системы в качестве «зависимых переменных»: «Пересматривая традиционную аргументацию, можно предположить, что определенный тип партийной системы имеет тенденцию склоняться к определенному типу избирательной системы», – писал он [Quintal, 1970, p. 752]. Д. Куинтал, вслед за Э. Даунсом [Downs, 1957], исходил из того, что политические партии являются рациональными акторами, стремящимися к увеличению своего представительства во власти [Quintal, 1970, p. 753]. По мнению Д. Куинтала, чем более успешной на выборах и, следовательно, влиятельной оказывается некоторая партия, тем вероятнее, что она предпочтет диспропорциональные избирательные системы.

С. Роккан, опираясь на рационалистическую парадигму, предложил теорию, объясняющую причины электоральных реформ и широкого распространения пропорционального представительства в Европе на рубеже XIX–XX вв. [Rokkan, 1970]. По мнению С. Роккана, до Первой мировой войны пропорциональная система вводилась прежде всего в этнически гетерогенных государствах и служила цели представительства меньшинств. Однако после 1918 г. требования к адаптации пропорциональной избирательной системы были связаны с другими причинами. Во-первых, с ростом влияния социалистических партий ввиду расширения избирательного права, а во-вторых, с попытками старых партий в тех странах, где их позиции были слабы, сохранить свое положение.

ние в ситуации электоральной мобилизации рабочего класса [Rokkan, 1970, p. 157].

Предложенная С. Рокканом теория стала отправной точкой в поиске причин электоральных реформ в Европе на рубеже XIX–XX вв., активно развернувшихся спустя несколько десятилетий. К. Бош [Voix, 1999] на основе данных по 23 демократиям рассмотрел эволюцию их избирательных законов в период между 1875 и 1990 гг. Вслед за С. Рокканом, он пытался найти ответ на вопрос, почему в конце XIX – начале XX в. многие западные демократии перешли к системе пропорционального представительства. На основании статистического анализа К. Бош заключил, что избирательные системы изменяются по решению правящих партий, стремящихся к максимизации своего представительства. Пока электоральная конкуренция не меняется и существующий избирательный режим благоприятствует правящим партиям, избирательная система остается неизменной. Когда условия электоральной конкуренции претерпевают изменения (из-за появления новых групп избирателей или смены предпочтений граждан), правящие партии могут модифицировать избирательную систему. Когда новые партии сильны, а старые нет, то последние меняют избирательную систему с плюральной / мажоритарной на пропорциональную; но они не делают этого, если оказываются способными к координации вокруг какого-либо одного игрока. Когда же новые партии слабы, система непропорционального представительства сохраняется безотносительно к структуре старой партийной системы [Voix, 1999, p. 609]. Также К. Бош пришел к выводу, что высокая степень этнической и религиозной фрагментации при определенных условиях (отсутствие федерализма или дисперсное проживание меньшинств) поощряет адаптацию пропорциональной избирательной системы [Voix, 1999, p. 610].

Впоследствии, однако, теория К. Боша подверглась критике как в количественных [Blais, Dobrzynska, Indridason, 2005; Brambor, Clark, Golder, 2006; Cusack, Iversen, Soskice, 2007, 2010; Kreuzer, 2010], так и в качественных [Ahmed, 2010] по своему стилю исследования.

Ж. Коломер [Colomer, 2004, 2005, 2017], как и К. Бош [Voix, 1999, 2010], понимал избирательные системы в качестве производных от систем партийных. По заключению Ж. Коломера, политическим конфигурациям с единственной доминирующей партией

или двумя основными партиями соответствует стабильная избирательная система, строящаяся на исключаяющих принципах, которым в наибольшей степени соответствует принцип большинства. В плюралистичной же среде имеет место тенденция к установлению инклюзивных избирательных формул, таких, которые базируются на принципе пропорционального представительства. Крупные партии, будучи уверенными в своем электоральном потенциале, стремятся к исключению из сферы принятия решений менее влиятельных игроков. В то время как малые партии, либо сталкивающиеся с серьезными электоральными вызовами правящие партии, предпочтут утверждение таких «правил игры», при которых они сохраняют шансы на представительство даже в неблагоприятных условиях (*risk-averse strategy*). На основании проведенного кросснационального статистического анализа, охватившего 154 случая электоральных реформ в 94 странах начиная с XIX столетия, Ж. Коломер также сделал вывод о существовании тенденции к эволюции избирательных систем в сторону пропорционального представительства¹ [Colomer, 2004, p. 62]. К тем же данным исследователь пришел при анализе 219 выборов в 87 странах [Colomer, 2005, p. 17].

Модель изменения избирательных систем, построенную на рациональном поведении политических акторов (партий), предложил К. Бенуа [Benoit, 2004]. Разработанная им теория устанавливает, что электоральные реформы происходят в процессе выбора политическими партиями таких «правил игры», которые в наибольшей степени соответствуют их стремлению максимизировать свое парламентское представительство. Партии ранжируют институциональные альтернативы в нисходящем порядке относительно того, на какую долю мест они могут рассчитывать. Чтобы безошибочно связать различные конфигурации избирательных систем с собственными интересами, каждая партия стремится к получению информации, дающей возможность оценить ту долю голосов, которую она получит от каждой альтернативы. Эта информация включает в себя как ожидания относительно своей электоральной поддержки, так и ожидания относительно действия институциональных правил. Изменения избирательных институтов будут

¹ Эту тенденцию за два десятилетия до ее эмпирической проверки отметил А. Лейпхарт [Lijphart, 1984, p. 428].

происходить тогда, когда политическая партия или коалиция партий поддерживает альтернативу, которая принесет им больше мест, чем избирательная система, существующая на данный момент, но при условии, что они имеют достаточно власти для проведения этой альтернативы в жизнь. Избирательные системы не изменяются, когда ни партия, ни коалиция партий не располагают необходимыми ресурсами, чтобы адаптировать альтернативную избирательную систему, или когда избирательная реформа не воспринимается как возможность получения дополнительных парламентских мест [Venoit, 2004, p. 373–374].

С точки зрения Ш. Боулера, Т. Донавана и Дж. Карпа [Bowler, Donovan, Carp, 2006], политики, преследующие частный интерес, стремятся с помощью изменения параметров избирательных систем не столько к максимизации выгод, сколько к минимизации издержек. По мнению авторов, подход, предлагаемый К. Бенуа, не универсален и подходит для объяснения электоральных реформ в тех случаях, когда избирательная реформа инициируется инкумбентами, уверенными в своем положении, имеющими представление о том, как работают существующие правила, и стремящимися посредством их «настройки» к еще большему упрочению своих властных позиций в долгосрочной перспективе [Bowler, Donovan, Carp, 2006, p. 435].

Ш. Боулер, Т. Донаван и Дж. Карп, изучив установки политиков Австралии, Германии, Нидерландов и Новой Зеландии относительно изменения своих избирательных систем, пришли к выводу, что прежде всего ими движет частный интерес, связанный с обеспечением возможностей для своего избрания или переизбрания. Функционеры и рядовые члены победивших партий стремятся не столько к максимизации своего представительства в будущем, сколько к сохранению добытых позиций. Таким образом, они ориентированы в первую очередь на минимизацию издержек, связанных с риском не переизбраться на новый срок. Наиболее привлекательная стратегия минимизации рисков для политических партий в условиях демократии состоит в сохранении статус-кво. Поскольку правила проведения демократических выборов обычно не носят дискриминационного характера и допускают поражение правящей партии (или коалиции партий), то и новая власть – даже если ее представители находились долгое время в оппозиции, – зачастую не имеет стимулов к институциональным изменениям,

так как именно благодаря существующим правилам она и была избрана [Bowler, Donovan, Karp, 2006, p. 444].

Риск-минимизирующее поведение политиков относительно электоральных институтов обусловлено тем, что смена прежних правил новыми влечет за собой неопределенность, последствия которой они не в состоянии просчитать [Bowler, Donovan, Karp, 2006, p. 435]. Эта точка зрения восходит к статье Ж. Эндрюс и Р. Джекмана [Andrews, Jackman, 2005], в которой было отмечено, что рациональные акторы, стоящие перед необходимостью учреждения или изменения электоральных институтов, стремятся к максимизации выгод, но при этом осознают неопределенность, которая будет вызвана любым их решением, и поэтому поступают таким образом, чтобы минимизировать для себя возможные риски [Andrews, Jackman, 2005, p. 66].

Как считают Ж. Эндрюс и Р. Джекман, если у политиков и возникают стимулы к изменению электоральных правил, то либо по той причине, что, по их мнению, существующие правила не будут более им благоприятны, либо они уже сталкиваются с ситуацией значительной неопределенности. Это происходит там, где наблюдаются серьезные сдвиги в политических предпочтениях избирателей или происходят радикальные изменения в самой политической системе. Все это, по мнению исследователей, имело место в Западной Европе после Первой мировой войны, а также в странах Центральной и Восточной Европы после окончания холодной войны. Ученые нашли закономерным тот факт, что большинство западноевропейских стран в начале XX в. и страны Центральной и Восточной Европы в его конце приняли пропорциональную систему: «Пропорциональное представительство является самым безопасным выбором для партии, не уверенной в точной доле голосов, которую она получит» [ibid., p. 69].

Новые направления исследований избирательных реформ

В последнее время подход рационального выбора к пониманию причин электоральных реформ стал подвергаться критике. Например, П. Норрис считает эту модель слишком ограниченной за то, что единственными агентами электоральных изменений в ее рамках являются политические партии, а их единственным мотивом

вом – максимизация представительства. В качестве более эвристического исследовательского инструмента для понимания причин электоральных реформ П. Норрис предложила модель политического цикла (policy cycle model), которая, по ее мнению, имеет преимущество над рациональным подходом в том, что идентифицирует широкий перечень заинтересованных в преобразованиях акторов и предполагает ступенчатый процесс принятия политических решений [Norris, 2011, p. 536].

В рамках этой модели процесс принятия решений рассматривается как последовательность стадий. Первая – определение повестки дня. На этой стадии артикулируется потребность в электоральной реформе. Основными акторами здесь являются институты гражданского общества (партии, СМИ, НКО). Вторая стадия – принятие решения. На ней выдвигаются альтернативы, и вокруг них формируются политические коалиции. Здесь главные акторы – парламентские партии и исполнительная власть. На третьей стадии происходит имплементация принятого решения. Наконец, в рамках четвертой стадии реализуется функция обратной связи. При этом все этапы принятия решений происходят в среде, накладывающей на этот процесс исторические, социальные, культурные и экономические ограничения [ibid., p. 535–536].

Сконцентрировав свое внимание на первой стадии цикла принятия политических решений – определении повестки дня, – П. Норрис на основе кросснационального анализа, единицами которого выступили страны не только с демократическими, но и авторитарными режимами, пришла к выводу, что основным фактором изменений избирательных систем является недостаток легитимности политических институтов¹. Недовольство граждан тем, как функционируют демократические институты, способствует появлению на повестке дня вопроса реформирования избирательной системы, который уже затем детально обсуждается акторами, принимающими конкретные политические решения [ibid., p. 545].

Как отметили в своей статье М. Лиенар и Р. Хазан [Leyenaar, Hazan, 2011], помимо подхода рационального выбора, причины электоральных реформ можно изучать также с точки зрения бихевиоризма или институционализма. Например, в рамках поведенче-

¹ Похожую мысль еще в 2005 г. на основе рассмотрения 14 масштабных избирательных реформ в демократических странах с начала 1950-х годов высказал Р. Кац [Katz, 2005, p. 69].

ского подхода в фокусе исследовательского внимания оказываются не столько партии, понимаемые как единые политические акторы, сколько отдельные составляющие их индивиды; причем акцент ставится не на их рациональности, а на их ценностях и идеологиях. В свою очередь, основное внимание в рамках институционального подхода уделяется тому, насколько институциональный контекст поощряет либо, напротив, сдерживает электоральные изменения [Leuenaar, Hazan, 2011, p. 443]. Основной вывод авторов, впрочем, состоит в том, что лучшее понимание причин электоральных реформ дает синтез всех трех подходов: рационального, поведенческого и институционального [ibid., p. 449].

Все описанные до настоящего момента подходы к анализу электоральных реформ были разработаны на эмпирическом материале демократических стран. Вместе с тем, логика электоральной инженерии в режимах электорального авторитаризма также заслуживает внимания, поскольку ее раскрытие представляет интерес с точки зрения углубления нашего знания о внутренней динамике таких политических режимов. Исследования, посвященные изучению избирательных реформ в автократиях относительно немногочисленны [Diaz-Cayeros, Magaloni, 2001; Lust-Okar, Jamal, 2002; Stroh, 2010; Tan, 2013; Higashijima, Chang, 2016; Gandhi, Heller, 2017], а их выводы, за единственным исключением – работы М. Хигашиджима и Э. Чанга [Higashijima, Chang, 2016], – построены на малом числе случаев и не могут быть генерализованы.

Дж. Ганди и Э. Ласт-Окар отмечают, что трансформация избирательных систем в режимах электорального авторитаризма подчиняется той же логике, что и в демократиях: инкубенты стремятся к избирательным системам, которые выгодны им и невыгодны оппозиции [Gandhi, Lust-Okar, 2009, p. 412]. А. Шедлер уточняет этот аргумент, заявляя, что авторитарные инкубенты предпочтут устанавливать ограничительные избирательные системы, чтобы снизить вероятность поражения в связи с возможным падением популярности [Schedler, 2002, p. 45]. Согласно такой логике, избирательные системы в режимах электорального авторитаризма должны быть всегда высокодиспропорциональными. В то же время помимо авторитарных режимов, где используются правила электоральной конкуренции, ограничивающие шансы оппозиции на представительство [Tan, 2013], существуют автократии, где используются более инклюзивные избирательные системы [Stroh,

2010]. Хотя М. Хигашиджима и Э. Чанг [Higashijima, Chang, 2016] представили первые объяснения того, почему автократии используют разные электоральные формулы – пропорциональные системы или системы большинства, – вопрос о логике электоральных реформ в авторитарных режимах по-прежнему открыт. По замечанию Дж. Ганди и А.Л. Хеллер, правила проведения выборов в автократиях остаются малоизученным феноменом [Gandhi, Heller, 2017].

Список литературы

- Ahmed A.* Reading history forward: The origins of electoral systems in European democracies // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, N 8/9. – P. 1059–1088.
- Andrews J.T., Jackman R.W.* Strategic fools: Electoral rule choice under extreme uncertainty // *Electoral studies*. – Oxford, 2005. – Vol. 24, N 1. – P. 65–84.
- Benoit K.* Models of electoral system change // *Electoral studies*. – Oxford, 2004. – Vol. 23, N 3. – P. 363–389.
- Benoit K.* Electoral laws as political consequences: Explaining the origins and change of electoral institutions // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2007. – Vol. 10. – P. 363–390.
- Benoit K., Schiemann J.W.* Institutional choice in new democracies: Bargaining over Hungary's 1989 electoral law // *Journal of theoretical politics*. – L., 2001. – Vol. 13, N 2. – P. 159–188.
- Blais A.* The debate over electoral systems // *International political science review*. – Beverly Hills, Calif., 1991. – Vol. 12, N 3. – P. 239–260.
- Blais A., Massicotte L.* Electoral formulas: A macroscopic perspective // *European journal of political research*. – Dordrecht, 1997. – Vol. 32, N 1. – P. 107–129.
- Blais A., Dobrzynska A., Indridason I.H.* To adopt or not to adopt proportional representation: The politics of institutional choice // *British journal of political science*. – Cambridge, 2005. – Vol. 35, N 1. – P. 182–190.
- Boix C.* Setting the rules of the game: The choice of electoral systems in advanced democracies // *The American political science review*. – Cambridge, 1999. – Vol. 93, N 3. – P. 609–624.
- Boix C.* Electoral markets, party strategies, and proportional representation // *The American political science review*. – Cambridge, 2010. – Vol. 104, N 2. – P. 404–413.
- Bowler S., Donovan T., Karp J.A.* Why politicians like electoral institutions: Self-interest, values, or ideology? // *The journal of politics*. – Cambridge, 2006. – Vol. 68, N 2. – P. 434–446.
- Brambor T., Clark W.R., Golder M.* Understanding interaction models: Improving empirical analyses // *Political analysis*. – Oxford, 2006. – Vol. 14, N 1. – P. 63–82.
- Carey J.M.* Electoral system design in new democracies // *The Oxford handbook of electoral systems* / E.S. Herron, R.J. Pekkanen, M.S. Shugart (eds.). – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – В печати.

- Colomer J.M.* The strategy and history of electoral system choice // Handbook of electoral system choice / J.M. Colomer (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 3–78.
- Colomer J.M.* It's parties that choose electoral systems (or, Duverger's laws upside down) // Political studies. – L., 2005. – Vol. 53, N 1. – P. 1–21.
- Colomer J.M.* Party system effects on electoral rules // The Oxford handbook of electoral systems / E.S. Herron, R.J. Pekkanen, M.S. Shugart (eds.). – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – В печати.
- Cox G.W.* Making votes count: Strategic coordination in the world's electoral systems. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 360 p.
- Cusack T.R., Iversen T., Soskice D.* Economic interests and the origins of electoral systems // The American political science review. – Cambridge, 2007. – Vol. 101, N 3. – P. 373–391.
- Cusack T.R., Iversen T., Soskice D.* Coevolution of capitalism and political representation: The choice of electoral systems // The American political science review. – Cambridge, 2010. – Vol. 104, N 2. – P. 393–403.
- Diaz-Cayeros A., Magaloni B.* Party dominance and the logic of electoral design in Mexico's transition to democracy // Journal of theoretical politics. – L., 2001. – Vol. 13, N 3. – P. 271–293.
- Downs A.* An economic theory of democracy. – N.Y.: Harper and Row, 1957. – 310 p.
- Duverger M.* Political parties: Their organization and activity in the modern state. – 2nd rev. ed. – L.: Methuen, 1959. – 439 p.
- Duverger M.* Which is the best electoral system? // Choosing an electoral system: Issues and alternatives / A. Lijphart, B. Grofman (eds.). – N.Y.: Praeger, 1984. – P. 31–39.
- Elgie R.* France: Stacking the deck // The politics of electoral systems / M. Gallagher, P. Mitchell (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 119–136.
- Gandhi J., Heller A.L.* Electoral systems in authoritarian states // The Oxford handbook of electoral systems / E.S. Herron, R.J. Pekkanen, M.S. Shugart (eds.). – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – В печати.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // Annual review of political science. – Palo Alto, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.
- Grofman B.* Perspectives on the comparative study of electoral systems // Annual review of political science. – Palo Alto, 2016. – Vol. 19. – P. 523–540.
- Grumm J.G.* Theories of electoral systems // Midwest journal of political science. – New Jersey, 1958. – Vol. 2, N 4. – P. 357–376.
- Higashijima M., Chang E.* The choice of electoral systems in dictatorships. – 2016. – April – 39 p. – Mode of access: <https://masaakihigashijima.files.wordpress.com/2017/09/esc-copy.pdf> (Accessed: 17.10.2017.)
- Horowitz D.L.* Electoral systems: A primer for decision makers // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2003. – Vol. 14, N 4. – P. 115–127.
- Jacobs K., Leyenaar M.* A conceptual framework for major, minor, and technical electoral reform // West European politics. – L., 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 495–513.
- Katz R.S.* Why are there so many (or so few) electoral reforms? // The politics of electoral systems / M. Gallagher, P. Mitchell (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 57–76.

- Kreuzer M.* Historical knowledge and quantitative analysis: The case of the origins of proportional representation // *The American political science review*. – Cambridge, 2010. – Vol. 104, N 2. – P. 369–392.
- Leyenaar M., Hazan R.Y.* Reconceptualising electoral reform // *West European politics*. – L., 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 437–455.
- Lijphart A.* Advances in the comparative study of electoral systems // *World politics*. – Cambridge, 1984. – Vol. 36, N 3. – P. 424–436.
- Lijphart A.* The field of electoral systems research: A critical survey // *Electoral studies*. – Oxford, 1985. – Vol. 4, N 1. – P. 3–14.
- Lijphart A.* Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – 209 p.
- Lust-Okar E., Jamal A.A.* Rulers and rules: Reassessing the influence of regime type on electoral law formation // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, CA, 2002. – Vol. 35, N 3. – P. 337–366.
- Nohlen D.* Changes and choices in electoral systems // *Choosing an electoral system: Issues and alternatives* / A. Lijphart, B. Grofman (eds.). – N.Y.: Praeger, 1984. – P. 217–224.
- Norris P.* Introduction: The politics of electoral reform // *International political science review*. – Beverly Hills, Calif., 1995. – Vol. 16, N 1. – P. 3–8.
- Norris P.* Choosing electoral systems: Proportional, majoritarian and mixed systems // *International political science review*. – L.A., 1997. – Vol. 18, N 3. – P. 297–312.
- Norris P.* Cultural explanations of electoral reform: A policy cycle model // *West European politics*. – L., 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 531–550.
- Quintal D.P.* The theory of electoral systems // *The western political quarterly*. – Sacramento, 1970. – Vol. 23, N 4. – P. 752–761.
- Rahat G.* The politics of electoral reform: The state of research // *Journal of elections, public opinion and parties*. – L., 2011. – Vol. 21, N 4. – P. 523–543.
- Renwick A.* Electoral reform in Europe since 1945 // *West European politics*. – L., 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 456–477.
- Reynolds A., Reilly B., Ellis A.* Electoral system design: The new international IDEA handbook. – Stockholm: International IDEA, 2005. – 223 p.
- Riker W.H.* The two-party system and Duverger's law: An essay on the history of political science // *The American political science review*. – Cambridge, 1982. – Vol. 76, N 4. – P. 753–766.
- Rogowski R.* Trade and the variety of democratic institutions // *International Organization*. – Cambridge, 1987. – Vol. 41, N 2. – P. 203–223.
- Rokkan S.* Citizens, elections, parties: Approaches to the comparative study of the processes of development. – Oslo: Universitetsforlaget, 1970. – 470 p.
- Sartori G.* Political development and political engineering // *Public policy*. – Cambridge: Harvard univ. press, 1968. – Vol. 17 / J.D. Montgomery, A.O. Hirschman (eds.). – P. 261–298.
- Schedler A.* Elections without democracy: The menu of manipulation // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 36–50.

- Shugart M.S.* Comparative electoral systems research: The maturation of a field and new challenges ahead // *The politics of electoral systems* / M. Gallagher, P. Mitchell (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 25–56.
- Stroh A.* Electoral rules of the authoritarian game: Undemocratic effects of proportional representation in Rwanda // *Journal of Eastern African studies*. – L., 2010. – Vol. 4, N 1. – P. 1–19.
- Taagepera R., Shugart M.S.* Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. – New Haven: Yale univ. press, 1989. – 292 p.
- Tan N.* Manipulating electoral laws in Singapore // *Electoral studies*. – Oxford, 2013. – Vol. 32, N 4. – P. 632–643.